
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Гужаловский А. А. **Красный карандаш: очерки по истории цензуры в БССР** : в 2 кн. Минск, 2012–2018. Кн. 1 : 1919–1941 гг. Минск : Ред. газ. «Звязда», 2012. 304 с. ; Кн. 2 : 1943–1991 гг. Минск : А. М. Янушкевич, 2018. 320 с. (на белорус.).

Гужалоўскі А. А. **Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР** : у 2 кн. Мінск, 2012–2018. Кн. 1 : 1919–1941 гг. Мінск : Рэд. газ. «Звязда», 2012. 304 с. ; Кн. 2 : 1943–1991 гг. Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. 320 с.

Huzhalouski A. A. **Red pencil: essays on the history of censorship in the BSSR** : in 2 books. Minsk, 2012–2018. Book 1 : 1919–1941. Minsk : Rjedakcyja gazety «Zvjazda», 2012. 304 p. ; Book 2: 1943–1991. Minsk : A. M. Janushkevich, 2018. 320 p. (in Belarus.).

Исследование А. А. Гужаловского посвящено истории цензуры в БССР. Монография состоит из двух книг. Первая, опубликованная в 2012 г., охватывает период 1919–1941 гг., вторая, вышедшая в 2018 г., раскрывает работу цензурных органов в БССР с освобождения белорусских земель от немецко-фашистских захватчиков в 1943 г. и до распада Советского Союза в 1991 г.

Монография написана на основе широкого круга источников. Однако ссылки на архивные материалы ограничиваются только указанием названия архива, номера фонда, описи и соответствующего листа. Отсутствие названия используемого документа и времени его создания не позволяет читателю провести первичную верификацию информации, привлекаемой автором из источника для доказательства своих суждений. Например, данные годового отчета или докладной записки все же вызывают большее доверие, чем высказывания сотрудников цензурных органов на партийных или производственных совещаниях, зафиксированные в протоколах.

Источниковедческая база включает в себя не только архивные материалы, но и сборники доку-

ментов, периодическую печать 1920–30-х гг. и последующих лет. Используемые опубликованные источники относятся как к цензурным органам, так и к учреждениям культуры, печати и т. д. Привлечение такого широкого круга материалов позволяет автору выйти за институциональные оценки, которые объективно проникали в отчеты, записки и иные документы, и нивелировать влияние источника на выработку собственной позиции.

Первая часть монографии А. А. Гужаловского посвящена истории цензуры 1919–1941 гг. и преследует цель проанализировать не только организацию цензурных органов и их работу, но и деятельность учреждений, которые цензурировались. Структурно книга состоит из пяти глав: «Главлит БССР в системе информационного контроля общества»; «Парнас под цензурным контролем»; «Метаморфозы четвертой власти: от мозаики к монолиту»; «Под зорким оком Главреперткома»; «Исчезновение культурного наследия».

Содержание второй части монографии стилистически аналогично первой книге и включает следующие главы: «Главлит БССР в системе информационного контроля общества»; «Парнас под цензурным контролем»; «Метаморфозы четвертой власти: от монолита к мозаике»; «Под зорким оком Главреперткома и его преемников»; «Ограничение доступа к культурному наследию».

Структура обеих книг не вызывает сомнения и вполне логична. Она демонстрирует желание А. А. Гужаловского изучить цензуру не только с точки зрения деятельности соответствующего ведомства, но и как явление культуры, важный фактор информационного пространства БССР. Это, безусловно, придает монографии серьезное историографическое значение, поскольку подобного рода исследования практически не проводились.

Наряду с этим следует отметить определенную однотипность в названии глав первой и второй

книг. Можно было, сохранив смысл, дать им отличные друг от друга заголовки, избежав тем самым зеркального эффекта.

Необходимо добавить, что, в отличие от первой книги, во второй А. А. Гужаловский делит главы на параграфы, благодаря чему вторая часть исследования имеет более систематизированный вид. Возможно, это объясняется тем, что она вышла спустя 6 лет, и это позволило автору, посмотрев первую часть монографии в напечатанном виде, внести определенные коррективы в комплектование материала и сделать его изложение более структурированным, что и нашло отражение в появлении соответствующих параграфов.

Несомненным плюсом исследования А. А. Гужаловского является наличие значительного количества таблиц, фотографий, исторических документов, поскольку все это позволяет читателю лучше понять развитие цензуры в БССР и придает мыслям автора определенную наглядность.

Обращаясь к содержанию монографии, следует отметить, что основные идеи и суждения доказаны автором, но рецензенту хотелось бы высказать свое мнение по некоторым частным сюжетам.

В первой главе первой книги анализируется положение Главлита в системе информации БССР. При изложении этой сюжетной линии А. А. Гужаловский рассматривает, как был организован Главлит БССР, кому он подчинялся и в какие структуры входил (кн. 1, с. 13). Описание этих аспектов сделано на высоком уровне с привлечением широкого круга источников, но есть ряд утверждений, с которыми трудно согласиться. В частности, утверждение автора, что в период «большого скачка» И. В. Сталин боролся с проявлениями либерализма в СМИ с помощью репрессий и установления тотального партийного контроля над всеми формами информации (кн. 1, с. 23). Эта идея верна только отчасти и характерна прежде всего для центральных СМИ, с региональными же дело обстояло намного сложнее, о чем свидетельствуют материалы Республики Карелии, Ленинградской и Мурманской областей, где партийные структуры сами относились к цензурным органам как к лишнему элементу и не стремились помогать им, а представители периодической печати и радио подчас игнорировали мнения цензоров, и это оставалось безнаказанным.

Более того, в Карелии в начале 1930-х гг. вообще возникла ситуация, когда органы цензуры фактически перестали существовать (из всего штатного расписания управления был только один начальник), а представители райлитов Ленинградской области на протяжении 1930-х гг. постоянно жаловались в Ленинград, что про них забыли все от Ленoblгортита до районных партийных организаций.

Вместе с тем следует отметить, что А. А. Гужаловский не только обозначил, но и изучил в данной главе повседневную работу Истпарта, его влияние

на цензурирование и т. д. (кн. 1, с. 83). Этот аспект важен, поскольку в современной историографии ему уделяется незначительное внимание.

В первой книге отдельная глава посвящена истории Главреперткома. В ней автор описывает, как в БССР развивалась цензура в области театра, эстрады и кино (кн. 1, с. 188), рассматривает механизм цензурирования (кн. 1, с. 190) и многие другие вопросы. История Главреперткома в БССР 1920–30-х гг. представляет большой интерес. Примечательно, что в определенной степени она оказалась схожей с историей аналогичного органа в Ленинграде, но отличалась от развития театральной цензуры в Ленинградской и Мурманской областях, а также Республике Карелии с точки зрения структуры и кадрового состава.

Переходя к анализу второй книги А. А. Гужаловского, следует отметить, что с его утверждением о цензуре 1943–1991 гг. как тотальной (кн. 2, с. 6) можно согласиться только частично. Представляется, что размещение этого тезиса в самом начале книги несколько схематизирует историю цензуры на таком значительном временном отрезке.

К примеру, материалы Ленинграда и Ленинградской области, Петрозаводска, Республики Карелии, а также Мурманска и Мурманской области демонстрируют, что в 1944–1945 гг. и в первые годы послевоенного периода цензурные органы испытывали финансовые, материально-технические и кадровые проблемы, которые не позволяли им выполнять свои обязанности должным образом.

В целом представляется, что термин «тотальная цензура» в отношении цензурных практик СССР можно отнести к историографической традиции 1990-х гг., на современном уровне знания эмпирического материала это понятие утрачивает эвристичность. По всей вероятности, для более адекватного отражения и научного изучения существовавших цензурных реалий необходим иной термин.

Наверное, стоит задуматься о правомерности и возможности сравнения (как это сделано в монографии А. А. Гужаловского) развития цензуры в период нэпа и ее состояния после XX съезда КПСС (кн. 2, с. 17).

Подобных сюжетных линий, которые можно охарактеризовать как интересные, новые для историографии, но требующие привлечения эмпирического материала других регионов СССР и осмысления, в рецензируемой монографии очень много. Все это необходимо для понимания феномена советской цензуры, которая в зависимости от региона страны обладала своими уникальными особенностями.

В подтверждение вышесказанного можно привести один из указанных в работе А. А. Гужаловского фактов. Так, если на территории БССР в 1970 г. западные радиостанции глушили (кн. 2, с. 258), то

в Ленинграде во второй половине 1960-х гг. их сигнал не глушился, и жители города могли слушать зарубежное радио. Этот вывод рецензент делает на основании содержания протокола партийного собрания работников учреждений культуры, но подобное утверждение требует перепроверки по другим источникам.

Монографическое исследование А. А. Гужаловского интересно и значимо не только с точки зрения введения в научный оборот большого числа архивных источников, выдвижения подчас спорных, но нужных для развития исторического знания гипотез и суждений. Данная работа важна еще и с позиции разрушения устоявшихся среди широкого круга читателей стереотипов о советской действительности. В частности, в массовой литературе существует два «мифологических» суждения. Первое – постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа

1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», после которого власть стала закручивать гайки, было единственным. Однако это не совсем так, и в своей работе автор показывает, что подобных постановлений по стране было несколько (кн. 2, с. 201).

Второй миф – джазовая музыка в СССР находилась под запретом и являлась гонимой, но А. А. Гужаловский вполне убедительно оспаривает этот тезис и на наглядном примере демонстрирует всю сложность и противоречивость отношения советской власти к джазу (кн. 2, с. 311).

Таким образом, рецензируемая монография, несмотря на определенные технические недоработки и некоторые спорные суждения, представляет интерес для исторической науки и массового читателя.

Ф. К. Ярмолич¹

¹Федор Кузьмич Ярмолич – кандидат исторических наук, доцент; научный сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории (дом Н. П. Лихачева) Российской академии наук, доцент кафедры истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова.

Фёдар Кузьміч Ярмолич – кандидат історичних наук, доцент; науковий співробітник відділу сучасної історії Росії Санкт-Петербурзького інституту історії (дом М. П. Лихачова) Російської академії наук, доцент кафедри історії Айчини Першого Санкт-Петербурзького державного медичного університету імені академіка І. П. Павлова.

Fyodor K. Yarmolich, PhD (history), docent; researcher at the department of contemporary history of Russia, Saint Petersburg Institute of History (N. P. Lihachov mansion) of Russian Academy of Sciences, and associate professor at the department of history of Fatherland, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University.

E-mail: f.k.1985@mail.ru